

УДК 94(430.087)

DOI10.26456/vthistory/2021.2.112–126

ВОВЛЕЧЕНИЕ ЖЕНЩИН В ТРУДОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГДР¹

Д.О. Тюренкова

Тверской государственный университет, г. Тверь

Аннотация. В статье с позиций гендерной антропологии рассмотрен процесс вовлечения женщин в трудовую деятельность со стороны власти и дальнейшая профессиональная реализация женщин в ГДР. Проанализированы обстоятельства послевоенной эпохи, повлиявшие на трудовую деятельность женщин во второй половине 1940–1950-х гг. Выявлен ряд отмеченных в источниках личного происхождения факторов, воздействовавших на указанные процессы, среди которых: недоверие женщинам как профессионалам, недостаточный уровень образования и квалификации, пассивное и активное сопротивление мужчин, не желавших допускать женщин на высокооплачиваемые рабочие места, необходимость совмещения профессиональной занятости и материнства, в том числе при переходе на руководящие должности, степень вовлеченности в партийную деятельность.

Ключевые слова: ГДР, женщины, гендерные исследования, история женщин, женская повседневность, история повседневности.

Профессиональная вовлеченность женщин в ГДР и влияние трудовой занятости на повседневную жизнь женщин, степень их эмансипации и соответствующие ей жизненные стратегии являются наиболее обсуждаемыми темами в современном научном и общественном дискурсе в рамках дискуссии о ГДР. Контраст между образами жизни женщин в Восточной и Западной Германии после объединения страны сохраняется и сегодня, о чем свидетельствуют, в том числе, распространённые стереотипы о восточных немках как о «матерях-кукушках» (в нем. – die Rabenmütter, матерях-воронах), «бросавших» детей в яслях ради работы практически сразу после рождения. Множество исследований историков, антропологов, социологов посвящено проблеме различий в гендерном контракте между «старыми» и «новыми» федеральными землями. Актуальность темы, несмотря на ее достаточную изученность и разнообразие свидетельств современников, мож-

---

¹ Научный руководитель – док. ист. наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета А. В. Белова

но объяснить сохраняющимся конфликтом ценностей в дихотомии «семья – карьера» в условиях высокого общего уровня эмансипации женщин в Европе, имевшего ряд сходных черт и уникальных национальных особенностей в процессе формирования, в частности, после Второй мировой войны.

Нормализация жизни в послевоенной Германии, восстановление промышленных предприятий и сельскохозяйственного производства, разбор руин, поставка населению продуктов первой необходимости обеспечивалась по большей части не силами тех, кто развязал войну, а той частью населения, которая в последние годы войны значительно пострадала от нее, стремясь сохранить жизнь и семью.

1945 год не стал для женщин Германии «часом ноль», как называют конец Второй мировой войны, в смысле нового начала, так как они не могли преодолеть последствия войны, оставаясь ведущей силой, на которую выпала нормализация жизни. В публицистике послевоенных десятилетий их называли «Trümmerfrau», женщины руин. Безусловно, в зависимости от возраста, класса, наличия детей, региона проживания, политического самоопределения в период нацизма, опыта переживания бомбежек или бегства, положение женщин различалось, однако последствия войны в той или иной степени испытывали все². Ссылаясь на статистические обзоры социальной политики ГДР, А. Камински сообщает, что в конце войны в советской оккупационной зоне уже работали 2,5 миллиона женщин, что составляло около 38 % всех женщин трудоспособного возраста³. В послевоенное время они работали во всех областях, где это было необходимо, и перестали быть просто продавцами, секретарями или сотрудницами сектора здравоохранения. Привлечение женщин к трудовой деятельности составляло одну из ключевых целей СЕПГ и, в определенном смысле, было ответом на фактически возросший удельный вес женщин в экономической жизни общества.

Исследователи фиксируют, что те мужчины, кто смог вернуться в свой дом после войны, едва ли в большинстве своем могли адаптироваться к изменившимся условиям, как из-за нехватки рабочих мест, соответствующих их квалификации, так и в результате процессов последовавшей денацификации. В Советской оккупационной зоне и с 1949 г. в ГДР ситуация со временем осложнялась также отъездом многих специалистов на Запад, в том числе и в связи с усилением КПГ, а затем СЕПГ. В дневнике К. Вольф отъезд специалистов на Запад представлен с редкой для современной публицистики и литературы позиции со стороны оставшихся в ГДР: «На вагоностроительном заводе в Галле я испытала некоторое облегчение, когда закрылись границы,

---

² Тимофеева Т. Ю. Повседневная жизнь в Берлине в 1943–1948 гг.: опыт исследования // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы. Материалы конференции российских и немецких историков, Москва, 28–30 октября 2005 г. / Под ред. А. Ю. Ватлина. М., 2007. С. 342.

Timofeeva T, *Povsednevnaya zhizn' v Berline v 1943–1948 gg.: opyt issledovaniya*, Poslevoennaya istoriya Germanii: rossijsko-nemeckij opyt i perspektivy. Materialy konferencii rossijskih i nemeckih istorikov, Moscow, 28–30 oktyabrya 2005 g. / Pod red. A. YU. Vatlina, M., 2007, S. 342.

³ Kaminsky A. *Frauen in der DDR*. Links Verlag, Berlin, 2016. S. 67.

так как до этого существовало опасение, что завод останется без инженеров и высококвалифицированных рабочих»⁴. В 1950–1960-е гг. проблема недостатка квалифицированных специалистов, в т.ч., как в приведенной цитате, в области машино- и вагоностроения, решалась посредством, фактически, принудительного повышения квалификации, особенно в отношении женщин. На участие женщин повлиял и еще один немаловажный факт – для большинства из них физически трудная работа была единственным способом получить продовольственные карточки, которые требовались для выживания.

Анализ широкого комплекса источников как письменных (на немецком и русском языках: источники личного происхождения, материалы СМИ, литературные источники, нормативные документы и материалы СЕПГ) так и визуальных (журнальная и любительская фотография), позволяет отметить ряд проблем, сопровождавших процесс увеличения женской занятости.

Общим фактором в первые послевоенные годы было нарушение инфраструктуры в послевоенной Германии, влиявшее на многие аспекты повседневности и требовавшее скорейшего решения для нормализации жизни. О положении страны свидетельствуют выступления, прозвучавшие на открытии Конгресса женщин за мир в 1947 г. Мэр Берлина Л. Шредер отмечала в своём приветственном слове: «Именно женщины Берлина в течение полутора лет выполняли первоочередную работу, начиная с того, что лопатами убирали мусор и заканчивая работой по уходу за больными и нуждающимися, и эта работа сейчас усложнена и в значительной степени сведена к нулю. Я должна попросить вас, дамы и господа, приехавшие издалека, от имени магистрата принять трудности, которые особенно распространены в вопросах транспорта, но с которыми вы также будете сталкиваться на каждом шагу, как признаком необычайного бедствия, в котором мы находимся»⁵. В речи мэра упомянутые проблемы с транспортом были связаны с чрезвычайно холодными зимами 1945-1946 и 1946-1947 гг. Из-за погодных условий, как отмечали делегатки, была выведена из строя не только транспортная система, но и системы отопления, что существенно усложнило условия повседневной жизни в этот период.

Продолжая мысль мэра, вице-президент управления по труду и социальному обеспечению отмечал расширение круга обязанностей женщин, они привлекались «не только для разбора завалов, не только для оказания медицинской помощи, но и на ответственных должностях в качестве городского советника, мэра или, как и у нас, на ответственном посту в центральных администрациях. Вот почему приказ № 253 советской военной администрации – “Равная оплата за равный труд” – который реализует экономическое равенство для женщин, действительно только подчеркивает огромную важность достижений немецких женщин. В некоторых случаях

⁴ Вольф К. Один день года (1960–2000). М., 2019. С. 44.

⁵ Deutscher Frauenkongress für den Frieden. Gründungskongress des Demokratischen Frauenbundes Deutschlands 7.,8. und 9. März 1947. Staatsoper, Berlin, 1947. S. 11.

этот порядок сталкивается с недоразумениями, и очень часто встречаются те, кто считает, что женщины менее эффективны, чем мужчины. Я считаю, что женщины своими трудами показали, что они на одной стороне с мужчинами»⁶. Сходные проблемы обозначал в этот же период В. Ульбрихт. Недоверие к женщинам как к профессионалам регулярно фигурирует в источниках.

Следующей проблемой в процессе вовлечения женщин в трудовую деятельность стало отсутствие или недостаточный уровень образования работниц. Со временем, во многом благодаря директивной политике СЕПГ, ситуация в области образования изменилась. В 1952 г. в одном из выступлений В. Ульбрихт отмечал: «У нас есть женщины крановщицы, мастера, техники, инженеры, чертежницы, инструкторы, штейгеры, вагоновожатые, а также квалифицированные работницы в металлургии, химической промышленности и представительницы многих других профессий. На какие большие дела способны женщины, показывает значительное число активисток производства, среди которых 75 человек носят почетное звание заслуженных активисток, а 8 – даже Героев труда»⁷. Данное высказывание призвано было продемонстрировать способность женщин выполнять сложные технические задачи, что также коррелировало с проблемой недоверия женщинам как специалистам.

Ключевым препятствием для женщин по мере дальнейшего массового трудоустройства стала необходимость совмещать трудовую деятельность, материнство и домашнее хозяйство, что отражалось и на характере избранных ими занятий. Так, Криста М., респондентка исследования «Unerhörte Ostfrauen» (воспоминания, собранные и опубликованные в рамках исследования «Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen»; это комплекс источников, в котором женщины, прожившие значительную часть жизни в ГДР, а затем в объединенной Германии, в свободной форме рассказывали о повседневности, влиянии на неё диктатуры СЕПГ и последующей смены системы), сообщает: «Моя мать была как бы сброшена с рельсов как последнее поколение войны. Она действительно хотела пойти в художественную школу. Но сделать это ей не удалось из-за тяжелого послевоенного периода. Так она стала продавщицей»⁸. Вынужденная занятость женщин, не соответствующая образованию, но необходимая для выживания, отмечается во многих воспоминаниях. Дерте рассказывает о своей семье: «Моя мама по профессии была коммерсантом. Но после войны ей пришлось искать занятие, на котором она зарабатывала деньги и которое можно было бы совместить с заботой о нас, детях. Сначала она работала у стоматолога уборщицей, затем ассистентом, а затем закончила вечернюю школу медсестрой стоматологии»⁹. Отец героини погиб в лагере для ин-

⁶ Deutscher Frauenkongress für den Frieden. S. 13.

⁷ Ульбрихт В. Избранные статьи и речи. М., 1961. С. 472.

⁸ Händler E., Mitsching-Viertel U. Unerhörte Ostfrauen. Lebensspuren in zwei Systemen. Ibidem-Verlag, Stuttgart. S. 301.

⁹ Ebd. S. 21

тернированных, о его смерти не было объявлено официально, в силу, предположительно, политических причин, поэтому семья не имела права на получение пенсии по потере кормильца. Это заставило его вдову искать работу, соответствующую рынку труда послевоенной эпохи. Рассказывая об этом периоде, Дерте отмечала: «Мы заметили заботы нашей мамы, хотя она старалась их скрыть от нас. Должно быть, она многое пережила в голове, особенно финансовое положение. Я спала с ней на родительской кровати и заметила, что она мало спит»¹⁰. Совместить воспитание детей и необходимость зарабатывать значительные средства мать респондентки смогла, т.к. знала о пожилой женщине и ее муже, оставшихся после войны без дома, и приютила их в своей комнате. Мужчина умер в 1948 г., вдова осталась жить с семьей Дерте, помогала финансово за счет пенсии и ухаживала за детьми, став для них второй мамой: «Одна была мамочкой [dieMutti – Т.Д.], другая – матерью [dieMutter – Т.Д.]». Таким образом, корпоративность женского сообщества и взаимопомощь способствовали поиску возможностей для выживания, воспитания детей и трудовой деятельности женщин в послевоенное время.

Ингрид Г. также отмечала, что для ее матери, прибывшей в послевоенные годы в Восточную Германию из Судетской области, трудоустройство было жизненно важным вопросом: «Чтобы обеспечить наше выживание, она подала заявку на железную дорогу в Мерзебурге в Саксонии-Анхальт и вскоре возглавила склад запасных частей для локомотивов и вагонов»¹¹. В подобных условиях женщины были вынуждены устраиваться на тяжелый, низкоквалифицированный и низкооплачиваемый труд. Воспитывая троих детей одна, позднее она смогла пройти обучение на специалиста по связи на железной дороге.

Необходимость поиска средств к существованию, отразившаяся на положении женщин, была не менее острой в сельской местности в указанный период. Значительную роль женщин в восстановлении сельского хозяйства и организации взаимопомощи в сельской местности отмечали многие делегаты Конгресса за мир 1947 г. В определенном смысле типичным для периода представляется рассказ Хельги К.: «Мне было пять лет, когда закончилась Вторая мировая война, и моей матери, четверым маленьким детям и больному дедушке пришлось в одиночку управлять небольшой фермой. Ей нужно было обо всем позаботиться. <...> Пока в 1948 году отец не вернулся домой из плена, маме приходилось со всем справляться самостоятельно. Она делала это очень смело. В селе жили только женщины и очень старые люди. <...> Мы не голодали, мы обязаны этим в основном своей матери. Она покупала овец для молока, мяса и шерсти. Она могла использовать все. Она связала нам чулки и свитера»¹². Так, в военный и послевоенный период некоторым женщинам пришлось взять на себя ответственную роль, при этом респондентка подчеркивала способность матери приспособиться к новым обстоятельствам и то,

¹⁰ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 22

¹¹ Ebd. S. 168.

¹² Ebd. S. 268.

что «она всегда знала, что делать». В свидетельстве Хельги также упоминается украинец, пригнанный в Германию на принудительные работы и помогавший ее матери по хозяйству. О дальнейшей судьбе украинца информации не приводится. Также в свидетельстве упоминаются множество семей без указания их этнической принадлежности, искавших защиты на ферме. После возвращения отца героини он и мать Хельги часто ссорились из-за того, что обстоятельства жизни изменились, и ферма теперь управлялась иначе, а мать героини «лучше знала свое дело», в отличие от мужа, не желавшего вносить достаточный вклад в семейный бюджет, что свидетельствует о недоверии к способностям женщин к управлению даже в кругу близких, а также иллюстрирует ранее приводимый тезис об изменениях в отношениях женщин и мужчин в браке в условиях материальной независимости женщин.

Трудовая деятельность женщин на данном этапе может быть объяснена не только активной ролью КППГ и СПДГ, позднее СЕПГ и распоряжениями оккупационной власти, но и продолжающейся необходимостью поиска средств к существованию. Однако нельзя не отметить, что, хотя и В. Ульбрихт в своих речах скорее «заметил» в обществе тех женщин, которые уже занимались трудовой деятельностью, а не привлек их к этой деятельности, обсуждение роли женщин в восстановлении экономики на государственном уровне привело к ряду значимых последствий. В определенном смысле ответом на возросшую вовлеченность женщин в профессиональную деятельность и необходимым условием ее дальнейшего расширения стали законы, принятые в 1950 г. – Закон о труде для продвижения и защиты рабочей силы, повышения производительности труда и дальнейшего улучшения материального и культурного положения рабочих и служащих¹³, а также Закон о защите материнства и детства и правах женщин¹⁴.

Проводимые меры социальной поддержки трудящихся женщин, в т.ч. трудящихся матерей, а также необходимость дополнительного дохода семьи, получаемого благодаря занятости женщин, заложили основы для формирования нового гендерного контракта, т.н. модели «двух кормильцев при государственном уходе за детьми»¹⁵. Являясь ключевой темой позднейших дискуссий о различиях образа жизни между старыми и новыми федеральными землями, данный гендерный контракт, несмотря на статистические данные о

¹³ Gesetz der Arbeit zur Förderung und Pflege der Arbeitskräfte, zur Steigerung der Arbeitsproduktivität und zur weiteren Verbesserung der materiellen und kulturellen Lage der Arbeiter und Angestellten vom 19. April 1950 [Elektronische Ressource]. URL: <http://www.verfassungen.de/ddr/gesetzderarbeit50.htm> (Datum der Behandlung:22.06.2016).

¹⁴ Gesetz über den Mutter- und Kinderschutz und die Rechte der Frau vom 27. September 1950 [Elektronische Ressource]. URL: <http://www.verfassungen.de/ddr/mutterkindgesetz50.htm> (Datum der Behandlung:22.06.2016).

¹⁵ Пфау-Эффингер Б. Культурные перемены и семейная политика в Восточной и Западной Германии // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 83.

Pfau-Effinger B., *Kulturnye peremeny i semejnaya politika v Vostochnoj i Zapadnoj Germanii*, Sociologicheskie issledovaniya, 2003, № 10, S. 83.

постоянном росте числа трудоустроенных, в т. ч. при неполной занятости, женщин, едва ли может быть оценен как единственно возможный.

В первые послевоенные десятилетия, при фиксируемом высоком коэффициенте фертильности – в ГДР в 1964 г. он составлял 2,54¹⁶ – вопрос сочетания работы и материнства и раннего прекращения декретного отпуска зависел от значительного числа факторов, среди которых были наличие знакомых – наемных помощников в ведении хозяйства, старших родственников или более взрослых детей, способных оказать помощь, а также финансовые возможности и личные амбиции и желания женщин.

Одной из мер, предпринятой государством для привлечения женщин к трудовой деятельности, были т.н. «бригады бабушек» или «бригады домохозяек», впервые упомянутые в женских журналах в 1954 г., официально существовавшие с 1958 г. Целью введения практики было направление бригад на решение срочных задач, таких как уборка урожая или помощь матерям, не получившим место в детском саду и не имеющим возможности присматривать за детьми. С течением времени данные проблемы решались и бригады не стали массовой формой занятости, практически исчезнув в середине 1960-х гг.

Существенным вопросом в реализации женщинами жизненной стратегии являлся вопрос степени занятости – полной, неполной, сокращенного рабочего времени. До 1965 г. в ГДР существовала 6-дневная рабочая неделя, затем постепенно вводился 5-дневный режим. На основании воспоминаний женщин можно сделать вывод о том, что, вопреки пропагандируемому в журналах образу успешной женщины, выбиравшей полную занятость, в реальности сокращение рабочего времени было достаточно частым решением для матери маленьких детей, даже несмотря на тот факт, что «день домашнего хозяйства» предоставлялся только полностью занятым женщинам: с 1952 г. для замужних женщин, с 1965 г. для незамужних, с 1970 г. для замужних женщин без детей при договоренности с руководством предприятия. Кроме того, одна из респонденток проекта, Дерте, говоря о своей неполной занятости (6-часовом рабочем дне), которой придерживалась и до, и после появления ребенка, отмечает, что доход мужа позволял ей такой формат работы, а роль исключительно домохозяйки не казалась ей комфортной¹⁷. В свою очередь, Эдельтраут мотивировала свое стремление работать в течение полного дня желанием позволить себе больше покупок¹⁸.

Аргумент о неравной оплате труда в ГДР, вопреки заявленной эмансипации, приводится исследователями именно в связи с тем, что вынужденный переход к неполной занятости при необходимости провозжать ре-

---

¹⁶ Zusammengefasste Geburtenziffer: Entwicklung der Fertilitätsrate in der BRD und in der ehemaligen DDR von 1950 bis 1990 [Elektronische Ressource]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/554952/umfrage/fertilitaetsrate-in-der-brd-und-ddr/> (Datum der Behandlung: 22.06.2019).

¹⁷ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 24.

¹⁸ Ebd. S. 63.

бенка в ясли, детский сад и школу, особенно для матерей-одиночек, фактически не позволял иметь равный заработок. Именно данный факт в комплексе проблемы колоссальной загруженности женщин в ГДР при недостаточной эффективности мер государственной поддержки является основным аргументом, позволяющим А. Камински, автору комплексного исследования о положении женщин в ГДР, делать в результате вывод о превращении заявленной эмансипации в вариант «обновленного» патриархата.

Приказ СВАГ закрепил законодательно единую оплату одинаковой работы независимо от возраста и пола, однако по воспоминаниям Л. Ульбрихт о послевоенной эпохе, приведенным А. Камински, «были несправедливости с точки зрения заработной платы, обращения с женщинами, и везде были старые мастера, которые относились к женщинам довольно грубо»¹⁹. Последующие решения, такие как адаптация условий труда к возможностям женщин, меры по поддержке работающих матерей и деятельность женских комиссий, позволили в некоторой степени сгладить неравенство оплаты, но не устранить его²⁰.

Вовлеченность женщин в технических областях оставалась проблемой в 1950–1960-е гг. Профессиональный охват женской занятости был чрезвычайно широк, что было связано как с недостатком рабочей силы в новой структуре экономики и трансформации аграрного сектора послевоенного времени, так и продвижением женщин со стороны государства. По оценкам исследователей, женщины в первые десятилетия существования ГДР были в большей степени представлены в таких отраслях экономики, как легкая и пищевая промышленность, сфера обслуживания, а также образование, однако со временем неравномерность разделения сфер сглаживалась²¹. Проанализированные воспоминания не позволяют предположить, что случаи пренебрежительного отношения к женщинам со стороны мужчин, о которых на официальном уровне сообщал В. Ульбрихт, в случае выбора первыми «мужских» профессий, могли стать причиной отказа от профессионального продвижения. Примеров неуверенности самих женщин в своем выборе в рассмотренных источниках не было выявлено, по крайней мере в дихотомии «мужские» – «женские» профессии.

Воспоминания женщины, до объединения работавшей в гладильном цехе, после – водителем трамвая, а затем ставшей пресс-секретарем по вопросам политики в отношении женщин в Палате представителей Берлина, являются поведенческим маркером профессиональной деятельности женщин в ГДР. Воспоминания демонстрируют дискриминацию со стороны мужчин, недоверие женщинам в вопросе квалификации и нежелание конкурировать в должностях, предполагающих большую оплату труда²². Ин-

¹⁹ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 71.

²⁰ Hausen K. Frauenerwerbsarbeit. Forschungen zur Geschichte und Gegenwart. München, Mering: Hampp, 1993. S. 114.

²¹ Budde G.-F. Frauen arbeiten. Weibliche Erwerbstätigkeit in Ost- und Westdeutschland nach 1945. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, 1997. S. 157-159.

²² Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 12.

тересно, что автор, благодаря тому, что ситуация была решена в ее пользу, оценивает издевательства и унижения со стороны мужчин – сотрудников гладильного цеха как откровенные злые шутки, но при этом именно шутки, и о своем успехе рассказывает с торжеством.

Представляется также значимым, что женщины, окруженные пропагандируемым равноправием, имели возможность отстаивать свои интересы. «Работа в гладильной поначалу, конечно, была трудной. В итоге там гладили пять или шесть женщин. Я была там своего рода первопроходцем, но это было весело. Я сама могла сказать свое слово и до сих пор считаю, что боролась правильно»²³ – отмечала Инес. Неправомерным представляется вывод сторонников остальгии о том, что подобная установка была всеобщей, однако возможность подобного карьерного пути сегодня является одним из признаваемых достижений ГДР. Марианна, в первые годы своей профессиональной деятельности столкнувшись сначала с запретом отца, считавшего работу официантки недостойной молодой девушки, а затем с оценкой ее наставника в отеле Берлина «профессия повара – это призвание для мужчин», тем не менее вспоминала этот период в смешанном коллективе с симпатией, и отмечала, что это придавало ей уверенности в дальнейшем при занятии руководящей должности²⁴.

Повседневная жизнь женщин – представительниц интеллигенции в вопросе карьерного роста и творческой профессиональной реализации рассматривается в исследованиях не так подробно, как производственный быт работниц, однако она также имела ряд особенностей и ограничений²⁵. В то время как научная и техническая интеллигенция в ГДР пользовалась поддержкой государства, в частности квалифицированным врачам предоставлялось жилье вне очереди²⁶, положение творческой интеллигенции в большей степени на повседневном уровне было связано с цензурными ограничениями. Отношение партийных функционеров к приемлемым темам и методам в литературе осмысливалось в дневнике К. Вольф «Один день года». Являясь одним из наиболее популярных и издаваемых авторов ГДР, она регулярно фиксировала в своих текстах возрастающее идеологическое давление на писателей²⁷. Критически также высказывалась бывшая телеведущая ГДР Э. Шенхерц, лишенная свободы на 3 года за попытку покинуть страну: «Скажем так: вы находитесь в ГДР и хотите написать книгу. Тогда ЦК СЕПГ говорит, что эта книга появится только в том случае, если мы ее прочитаем и подвергнем цензуре. Потом она возвращается, но это уже не ваша книга. У нас, дикторов, конечно же, было то же самое: мы писали

²³ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 13.

²⁴ Ebd. S. 41.

²⁵ Budde G. Frauen in der Intelligenz. Akademikerinnen in der DDR 1945 bis 1975 // Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft, B.162. Göttingen, 2003. S. 116-147; Schubert F. Die Frau in der DDR. Ideologie und konzeptionelle Ausgestaltung ihrer Stellung in Beruf und Familie. Opladen: Leske + Budrich, 1980. S. 188.

²⁶ Open Memory Box. Geschichte [Elektronische Ressource]. URL: <https://open-memory-box.de/stories/i-regret-it> (Datum der Behandlung: 19.05.2020).

²⁷ Вольф К. Указ. соч. С. 58.

свои сообщения, но должны были передать их в ЦК за неделю до трансляции. После того, как они были подвергнуты цензуре, больше нельзя было изменить слова. Тем не менее, текст должен был сидеть в голове и читаться»²⁸. Приведенная цитата демонстрирует пример государственной цензуры, непосредственно повлиявшей на характер творческой самореализации женщин и, в итоге, приведшей к тому, что респондентка столкнулась с невозможностью профессионального роста и решила на побег из страны.

Как пример творческой самореализации в профессиональной деятельности в рамках нонконформного поведения интересны воспоминания Ю. Малер, фотографа журнала *Sibylle*. Рассказывая о возможности самовыражения в искусстве в интервью порталу Гете-института, Малер отмечала, что при посещении фотовыставок возможно было увидеть подлинные сюжеты, а ускользание от цензуры было нормальным явлением, «тогда все работали между строк». Рассказывая о становлении ее как фотографа, Малер отмечала, что не желала, как отец, делать официальные фото – трудившийся мельником и занимавшийся любительской фотографией, затем отец героини стал коммерческим фотографом и снимал постановочные фото «комбайнов, партийных чиновников и сотен дирижеров оркестров». Малер, как она замечала, стремилась «показать действительность и сказать правду». Работая в журнале *Sibylle* после окончания Лейпцигского университета графики и искусства, она сталкивалась с цензурой, в частности в интервью она приводила случай, когда, запечатлев модель на стройке в клетке из проволочной сетки, она получила отказ редактора, обоснованный следующим образом: «Вы знаете, почему. И я знаю, почему». Говоря о перспективах творческого развития, Малер отмечала, что дальнейший рост без ущерба для себя, имея в виду необходимость работы в условиях конъюнктуры, был невозможен, т. к. партия определяла предпочтения общества, в т. ч. в области искусства и СМИ²⁹.

Отдельным вопросом является доступ женщин к руководящим постам. А. Камински фиксирует, что факторами, которые оказали наибольшее влияние на этот процесс, было недоверие способности женщин руководить, а также их «ненадежность» как потенциальных или фактических матерей, ставивших семью выше карьеры. Воспоминания Дагмар, сотрудницы ресторанного бизнеса, подтверждают данную идею: «Однако почти все директора были мужчинами. А когда мой босс был в отпуске, а я ходила на собрания, а это был мачо, нужно было заявить о себе как о женщине. Такая группа мужчин не любит подпускать женщин. На службе было больше женщин, а на кухне – больше мужчин. В любом случае начальни-

---

²⁸ Konrad Adenauer Stiftung [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.kas.de/de/web/die-politische-meinung/artikel/detail/-/content/du-bist-hier-nicht-im-fernsehen> (Datum der Behandlung: 22.06.2019).

²⁹ Ute Mahler im Interview mit Rory MacLean // Goethe-Institut [Elektronische Ressource]. URL: <http://www.goethe.de/ins/gb/lp/prj/mtg/men/kun/ost/deindex.htm> (Datum der Behandlung: 22.06.2019)

ками были в основном мужчины»³⁰. Можно заметить очевидную диспропорцию в составе руководства, причем недоверие женщине в том числе основывалось на ее якобы недостаточной, по сравнению с «мужчиной – мачо», харизматичностью. Однако несмотря на это, на этапе карьерного роста и работы в ресторане отношение мужчин не стало для Дагмар препятствием: «На тот момент мне было 22 года, я пришла в ресторан, надо было объяснить давно сработавшимся сотрудникам, куда они должны пойти. И они подумали: “Девушка, выпей, тогда тебе будет спокойнее”. Но это было связано не с тем, что я женщина, а с моей молодостью. В конце концов, я не училась профессии, а закончила школу и обучалась на месте. У всех были трудности, потому что мы не знали практики. Нужно было выучить тайный язык официантов, он не имел ничего общего с ролью женщин»³¹. В данной цитате, как и в воспоминаниях Инес, борющейся за право работать в гладильном цехе, опыт противодействия дискриминации со стороны мужчин оценивается как полезный для дальнейшего карьерного роста.

Также респондентки называли неуверенность самих женщин одной из причин отказа от руководящих постов: «Женщин часто приходилось убеждать пройти дополнительное обучение или взять на себя функции в течение длительного времени. В особенности им мешала семейная ситуация. У них были дети, и они переживали, что не справятся со всем. Было неясно, достаточно ли мужчины поддержат их. А поскольку обучение не всегда приводило к значительным финансовым преимуществам, решение часто принималось в пользу отказа»³² – отмечала Аннелис, районный руководитель FDJ, позднее районный председатель FDGB. Неуверенность женщин могла быть связана как с недостатком мест в учреждениях по уходу за детьми, так и с финансовыми сложностями. Причем помощь со стороны мужчин воспринималась как нестабильная величина, а не как обязанность мужа или отца. Похожие причины приводила К. Люфт, позднее занимавшая пост заместителя председателя Совета министров и министра экономики в правительстве Х. Модрова: «В плане оплаты труда в университете не было различий между мужчинами и женщинами. Тот факт, что женщины с очень хорошими результатами обучения не переходили на руководящие должности так быстро, как мужчины, также часто зависел от смелости и уверенности в себе. Начав свою карьеру, выпускницы часто говорили: “Я сумею, я преодолею трудности, я справлюсь с мужчинами, и я не позволю вынимать масло из хлеба, я могу это сделать”. Когда появлялись дети, помощи по дому не оказывалось и дальнейшее развитие тормозилось, им было намного тяжелее, чем мужчинам, и мне тоже»³³. Данные воспоминания показывают, что продвижение по службе часто было связано с финансовыми лишениями из-за необходимости получения управлен-

³⁰ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 78.

³¹ Ebd. S. 79.

³² Ebd. S. 106.

³³ Ebd. S. 117.

ческого образования. Очевидна также выделяемая как приоритетная зона ответственности: мужчина мог позволить себе переход на руководящую должность, не принимая ответственность за воспитание детей, в то время как женщина воспринимала себя и воспринималась обществом как гарант стабильной семейной обстановки.

На основе воспоминаний респонденток проекта «Unerhörte Ostfrauen» представляется целесообразным включить в этот ряд также общий для мужчин и для женщин фактор – отношение к партии. Дагмар отмечала: «Моя карьера в ГДР продолжилась бы на том же уровне. Я всегда хотела работать профессионально, но более высокий уровень означал бы больше политики и т.д., и это было для меня критерием отказа. Должность директора была политической, с представлением предприятия вовне <...> Как директор, я должна была бы заниматься тем, чего не хотела, и это не помогло бы моим сотрудникам и гостям. Я бы не хотела делать такую карьеру в ГДР, где у меня не было бы свободного времени, это важно для меня. Я предпочитаю отказаться от некоторого количества денег и работать немного меньше»³⁴. В свою очередь, по многим свидетельствам, отказ от членства в СЕПГ также маркировал отсутствие стремления к дальнейшему карьерному росту. Иначе говоря, в ГДР были параллельно существующие группы населения, отличавшиеся степенью вовлеченности в деятельность партии, где наибольшая часть, лишь косвенно связанная с политикой и общественной деятельностью через членство в FDJ и FDGB, реализовывала себя в большей степени в соответствии с личными целями, хотя и находилась, безусловно, под влиянием общего внутривнутриполитического курса.

Успешный опыт осуществления руководства предприятием отражен в воспоминаниях Кристины Б., также функционера СЕПГ: «В 1986 году я стала генеральным директором Берлинского косметического комбината <...> Нас было восемь с половиной тысяч сотрудников, разбросанных по ГДР. Доля женщин составляла не менее 60 процентов. И у нас был целый ряд женщин на руководящих должностях – не в качестве руководителей фабрики, а в качестве заместителей, руководителей производства, директоров по исследованиям и исполнительных директоров. <...> Тот факт, что я проникла в этот мужской мир с моей ролью генерального директора, не имел значения для меня, как и для большинства мужчин. Многие знали меня по предыдущему сотрудничеству. Я никогда не чувствовала, что существует проблема мужчины и женщины»³⁵. Кроме того, данные воспоминания показывают очевидную диспропорцию в занятии высших и средних руководящих постов, а также подтверждают тезис о том, что женщины скорее вынуждены были в условиях совмещения семьи и трудовой деятельности отказываться от большего объема ответственности в пользу контроля над распределением своего времени.

Во второй половине 1960-х гг. одновременно с постепенным спадом рождаемости происходило расширение спектра социальных учреждений для

³⁴ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 77.

³⁵ Ebd. S. 124.

поддержки материнства и детства. Меры по поддержке трудящихся матерей, заявленные государством и руководством профсоюзов, по оценкам свидетелей, оказывали воздействие на повседневную жизнь женщин. В частности, Аннелис отмечала: «Достигнуто очень много: бесплатные детские учреждения, ежемесячный домашний день, комнаты отдыха для женщин на фабриках»³⁶. Опыт мер поддержки со стороны отдельного производства зафиксирован в воспоминаниях Кристи Б.: «Фабрика Leuna много сделала для матерей и семей. Например, были добавлены дополнительные поезда для матерей, которым приходилось отвозить своих детей в детский сад или детский сад, чтобы отвезти их на работу и с работы из-за изменения рабочего времени. <...> Для вахтовиков были детские сады, где дети могли оставаться на ночь или даже на целую неделю»³⁷. Очевидно, что подобные меры были созданы не на каждом предприятии, деятельность профсоюзов также зависела от позиций местной администрации и активности женских комиссий. Приведенная цитата в целом свидетельствует о значительных сложностях, испытываемых женщинами при совмещении посменной и вахтовой работы с материнством.

В 1970–1980-х гг. вышеописанные проблемы женской профессиональной деятельности были в некоторой степени решены с принятыми мерами государственной поддержки, увеличившимся влиянием и реальным вкладом женских комиссий при профсоюзах, массовым получением женщинами образования, в том числе в технических областях, и дальнейшим трудоустройством в рамках профессии. Значительным фактором был также процесс постепенного пересмотра в обществе роли женщин, что на идеологическом уровне проявлялось в пропаганде основной линии партии по данному вопросу, и изобличении образа «сверчка за печкой» и периодически критике мужчин, не помогавших женщинам с ведением домашнего хозяйства, а в реальной жизни подтверждалось биографиями женщин, воспринимавших себя как полноценных участниц трудового процесса и не видящих себя лишь в роли домохозяйки.

Однако общая тенденция не отменяла индивидуальных стратегий, следуя которым многие женщины в связи с персональными ценностями, влиянием религии и другими факторами отказывались от трудоустройства. Представляется не вполне обоснованным вывод А. Камински о тотальном непринятии в обществе, в том числе среди самих женщин, тех, кто выбрал путь «сверчков за печкой», т.к. общество ГДР по оценкам многих исследователей демонстрировало черты типичного для авторитарных режимов общества ниш, в котором корпоративная культура представляла в рамках повседневной жизни значение большее, нежели пропагандируемые идеалы СЕПГ.

³⁶ Händler E., Mitsching-Viertel U. Op. cit. S. 106.

³⁷ Ebd. S. 119–120.

Список литературы:

1. *Пфау-Эффингер Б.* Культурные перемены и семейная политика в Восточной и Западной Германии // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 78–87.
2. *Тимофеева Т. Ю.* Повседневная жизнь в Берлине в 1943–1948 гг.: опыт исследования // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы. Материалы конференции российских и немецких историков, Москва, 28–30 октября 2005 г. / Под ред. А. Ю. Ватлина. М., 2007. С. 338–351.
3. *Budde G.* Frauen in der Intelligenz. Akademikerinnen in der DDR 1945 bis 1975 // Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft, B.162. Göttingen, 2003. 443 S.
4. *Budde G.-F.* Frauen arbeiten. Weibliche Erwerbstätigkeit in Ost- und Westdeutschland nach 1945. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. 301 S.
5. *Hausen K.* Frauenerwerbsarbeit. Forschungen zur Geschichte und Gegenwart. München, Mering: Hampp, 1993. 216 S.
6. *Kaminsky A.* Frauen in der DDR. Links Verlag, Berlin, 2016. 320 S.
7. *Schubert F.* Die Frau in der DDR. Ideologie und konzeptionelle Ausgestaltung ihrer Stellung in Beruf und Familie. Opladen: Leske + Budrich, 1980. 259 S.

Об авторе:

ТЮРЕНКОВА Дарья Олеговна – специалист по учебно-методической работе, Музейно-образовательный комплекс при историческом факультете, Тверской государственной университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: d.tyurenkova@yandex.ru

INVOLVEMENT OF WOMEN IN LABOR ACTIVITIES IN THE GDR

D.O. Tyurenkova

Tver' State University, Tver'

Annotation. From the standpoint of gender anthropology, the article examines the process of involving women in labor activities by the authorities, and the further professional realization of women in the GDR. The article analyzes the circumstances of the post-war era that influenced the labor activity of women in the second half of the 1940s - 1950s. The factors noted in the autobiographical documents that influenced these processes were identified: distrust of women as professionals, insufficient level of education and qualifications, passive and active resistance of men who did not want to allow women to high-paying jobs, the need to combine professional employment and motherhood, including the transition to leadership positions, the degree of involvement in party activities.

Keywords: GDR, women, gender studies, women's history, women's everyday life, Alltagsgeschichte.

About author:

TYURENKOVA Daria Olegovna – specialist in educational and methodological work, Museum and Educational Complex at the Faculty of History, the Tver State University, (Russia, 170100, Tver, Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: d.tyurenkova@yandex.ru

References

- Pfau-Effinger B., *Kul'turnye peremeny i semejnaya politika v Vostochnoj i Zapadnoj Germanii*, Sociologicheskie issledovaniya, 2003, № 10, S. 78–87.
- Timofeeva T., *Povsednevnyaya zhizn' v Berline v 1943–1948 gg.: opyt issledovaniya*, Poslevoennaya istoriya Germanii: rossijsko-nemeckij opyt i perspektivy. Materialy konferencii rossijskih i nemeckih istorikov, Moscow, 28–30 oktyabrya 2005 g. / Pod red. A. Yu. Vatlina, M., 2007, S. 338–351.

Статья поступила в редакцию 15.05.2021 г.